

СМЕНА ОБЛИКА И ТРАВЕСТИЙНЫЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ БУРЯТ¹

Мотив смены облика в героическом эпосе бурят реализуется в нескольких моделях и играет важную роль в развитии сюжетного действия. Гендерная перемена облика, связанная с травестийными и маскарадными моментами, привязана к центральному женскому персонажу.

Ключевые слова: буряты; героический эпос; мотив; смена облика.

Nikolaeva Natalia Nikitichna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

CHANGE OF APPEARANCE AND TRAVESTY MOTIVES IN THE BURYAT EPIC

The motive for changing the appearance in the heroic epic of the Buryats is realized in several models and plays an important role in the plot action. The gender change of appearance associated with travesty and masquerade moments is tied to the central female character.

Keywords: Buryats; heroic epic; motive; changing the appearance.

В бурятском героическом эпосе смена облика эпическим героем выступает как отдельный самостоятельный мотив и в то же время тесно связана с мотивом оборотничества, трансформации человека в другое состояние без особых усилий. Смена облика идет на физиологическом и сущностном уровне, присуща и положительным, и отрицательным, и главным, и второстепенным персонажам, и в большинстве эпических сюжетов связана с двумя сюжетными ходами: сватовство эпического героя, брачные испытания, брак; борьба протагониста с антагонистом, подразумевающая не прямое столкновение, а своего рода военную хитрость. Если учесть, что оба этих сюжетных сценария являются основными для бурятского эпоса, то мотивы смены облика и оборотничества фактически выступают одними из сюжетообразующих мотивов. Здесь мы не затрагиваем оборотничество ситуативное, окказионально-сюжетное, например, когда герой, устав скакать в долгом пути, превращается в птицу и летит дальше и т.д., подобные эпизоды не играют сюжетно значимой роли. Эпическое оборотничество, когда герой легко превращается в животное, птицу, насекомое, природный или рукотворный объект, имеет в своей основе глубоко мифологичное представление о двойной, зооантропоморфной сущности человека, об отсутствии четких границ между природой и человеком, который мыслится как неотъемлемая часть окружающего мира.

В контексте матримониального сюжета с брачными испытаниями и браком мотив смены облика имеет особенности, которые не совсем совпадают с особенностями этого же мотива в сюжетах конфликтного типа (противоборства героя и его врага-антипода). Так, можно выделить несколько моделей перемены облика в матримониальных сюжетах:

1. женщина (обычно сестра) принимает облик мужчины (брата) и добывает ему невесту, деву-воскресительницу (поскольку он погиб в схватке с врагами, злокозненными родственниками и т.д.);

2. служанка принимает облик ханской дочери и вместо нее выходит замуж за героя;

3. мужчина-богатырь в низком облике (соплячок-замарашка, старик-пастух или бродяга) сватается к ханской дочери, побеждает в испытаниях и женится на ней;

4. невеста не хочет выходить замуж за героя-богатыря в низком облике и скрывается, превращаясь в

птицу / зверя, иногда пребывая в этом виде некоторое время;

5. сестра после женитьбы брата превращается в зверя и скрывается;

6. чудовище-мангадхай принимает облик человека-богатыря, сватается к эпической героине и становится ее женихом.

Модели, связанные с сюжетами борьбы эпического героя и его антипода:

мужчина-богатырь принимает облик врага, проникает на его территорию (дом, земли, владения), побеждает врагов;

мужчина-богатырь оборачивается животным / насекомым / предметом и выведывает тайны врагов;

мужчина-богатырь в низком облике (старик-пастух или бродяга) проникает к врагам (чудовищам-мангадхам, чужеземным ханам и богатырям);

мужчина-богатырь принимает низкий облик ребенка (сироты, замарашки, подкидыша) и проникает к врагам;

чудовище-мангадхай принимает другой облик, чтобы обмануть героя;

женщина под видом мужчины сражается с врагами (крайне редко).

Для мотива смены облика всегда характерна неузнаваемость персонажа, восприятие его или ее другими персонажами только в том поле, социальном статусе и облике, который они приняли. Возвращение собственного облика происходит естественно и легко в момент, когда неузнаваемость становится ненужной. Это демонстрируют положительные персонажи. Например, выполнив свою задачу – приведя брату невесту-воскресительницу, сестра вновь становится собой, либо принимает зооморфный облик, нужный для развития сюжета [Бурчина, 2007, с. 181–182]. Герой, разведав, что происходит у врага, или уничтожив его внешние души, тут же превращается из старика или младенца обратно в молодого богатыря [Бурчина, 1990, с. 102–103; 183; 218; 325; 357; Бурчина, 2007, с. 193]. В брачных сюжетах богатырь либо сохраняет свой низкий облик до свадьбы, после которой превращается в самого себя, либо окказионально и свободно меняет облик до полного утверждения в статусе мужа ханской дочери, выполнив и постсвадебные задания [Бурчина, 2007, с. 360–362]. Отрицательные же персонажи часто подвержены разо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», номер госрегистрации АААА-А17-117021310268-2).

блачению – жених-мангадхай наутро из человека превращается обратно в чудовище [Шаракшинова, 2000, с. 141], служанка становится собой, когда появляется настоящая невеста [Бурчина, 2007, с. 319–320] и т.д.

Положительные женские персонажи в результате перемены облика обычно не выходят за границы своего социального статуса. Применительно к отрицательным женским персонажам допускается повышение социального статуса (некрасивая служанка превращается в красавицу-царевну). Положительные мужские персонажи в основном тяготеют к понижению социального статуса и в матримониальных, и в воинских сюжетах.

В эпосе встречаются принятие персонажем облика персонажа с другим социальным статусом не только вверх по вертикали, но и вниз (богатырь – в пастуха, бродягу, сироту), возрастное оборотничество (молодого мужчины в ребенка и старика), а также гендерная перемена облика, связанная с травестийными² и маскарадными моментами (женщина в облике мужчины). Эпос допускает смену облика женским персонажем, при этом в равной степени представляя как перевоплощение-оборотничество (женщина «превращается» в мужчину), так и более реалистичное переодевание (женщина надевает мужскую одежду, берет воинское оружие, и все воспринимают ее как мужчину). Но почти недопустимо обратное – перемена пола мужским персонажем, переодевание его в женскую одежду. Даже если, к примеру, чудовище-мангадхай принимает иной облик, чтобы обмануть героя, то в подавляющем большинстве сюжетов он все равно сохраняет свой пол.

Мотив смены облика с травестийными чертами в эпосе обычно связан с центральным женским персонажем. В бурятском эпосе это сестра-богатырка, добывающая погибшему брату невесту, деву-воскресительницу. Обычно после испытания боевого оружия, подготовки к длительному пути и седлания коня, героиня одевается в походные / боевые одежды. В некоторых сюжетах сестра надевает богатырскую одежду, как бы принадлежащую ей, а в других подчеркивается, что эта одежда не ее, а брата [Шаракшинова, 2000, с. 118]. Надевая его одежду, она выступает и под его именем. В других сказаниях дева-богатырка принимает облик брата [Бурчина, 2007, с. 177]. Часто сказитель словно «забывает», что героиня – девушка, и называет ее мужским именем.

Оппозиция «мужчина – женщина» / «мужское – женское» была одной из основных в представлениях древнего общества. За исключением периодов детства и старости, где она была представлена в ослабленном виде, на протяжении жизни человека следование нормам и правилам половой группы было обязательным и строго соблюдалось. Отклонение от нормы порицалось, а нарушители наказывались с санкции общества. Тем не менее, условная «смена» пола была возможна, а в определенных ситуациях это было даже обязательным. Так, подобное допускалось в досугово-игровых формах традиционной культуры. Например, у славян яркие травестийные мотивы прослеживались в зимней святочковогодней обрядности ряжения.

Предписанная, обязательная «смена» пола была связана с ритуально-обрядовой сферой. Травестизм как обычай ритуального «превращения пола» отмечался среди шаманов северных народностей. Исследователи традиционных сибирских обществ отмечали преобладание в прошлом женского шаманизма, что было связано с материнскими культами. Далее, когда материнский род

утратил свои позиции, стало преобладать почитание божеств отцовского рода, появилось такое явление, когда женщины-шаманки как бы превращались в мужчин. Они одевались в мужскую одежду, выполняли предписанную правилами мужчинам работу, даже «женились». Наблюдалось и обратное – не женщина переодевалась в мужскую одежду, а мужчина – в женскую, т.е. «превращение» мужчин-шаманов в женщин. Исследователи (В. Н. Басилов, С. А. Токарев) считали, что обрядовый травестизм является пережитком матриархата и возникает, когда необходимо важнейшие религиозные функции, некогда выполняемые исключительно женщинами, передать мужчинам. «Травестизм обычно наблюдался в ритуальной сфере. Считалось, что такой перемены требуют духи-покровители. Ритуальное “превращение пола” характеризуется архаическим мировоззрением как признак связи с разными полами, объединяющими в себе их признаки» [Басилов, 1992, с. 4].

Обрядовый травестизм, по мнению Т. И. Борко, можно трактовать как глубинную архетипическую символику андрогина, т.е. существа превращенного пола, совмещающего в себе признаки и того, и другого, и значит, выступающего посредником между противоположными началами, соединяя полярности [Борко, 2003, с. 16]. В силу своей необыкновенной природы он-она наделено неординарными, необычными, превышающими человеческие, способностями – всезнание, мощь, сверхвыносливость и т.д. Соответственно, он-она имеет и возможности, достаточные для того, чтобы совершить подвиг, причем гиперболизированного масштаба, что, возможно, и прослеживается в фольклорных текстах.

Согласно улигерному сюжету, сестра-богатырка едет за невестой-воскресительницей для погибшего брата. Здесь присутствуют оба компонента знаковых, пограничных состояний человека – смерть и создание новой семьи. И в том, и другом случае, согласно мифологическому мировоззрению, между миром человеческим и миром иным слабеют преграды, происходит их своеобразное диффузное взаимопроникновение. Иными словами, брат-богатырь уходит в мир мертвых (пусть и временно), а сестра по сути отправляется за воскресительницей в тот же мир. На своем пути она пересекает границы этого мира, обозначенные реками, морями, высокой горой, лесом. Иногда говорится, что невеста живет за краем земли, дальше того места, в котором сходятся земля и небо – почти прямое указание на другой, «запредельный», а следовательно, нечеловеческий мир. Невеста нередко оказывается дочерью персонажа, который в какой-то мере осмысливается как тотемический первопредок, либо имеются намеки на принадлежность его к ряду хозяев стихий.

По народным представлениям, мир мертвых, определяемый категориями хаоса, не-порядка, аморфности, противоположен и противопоставлен миру живых, упорядоченному и структурированному. Умершие в загробном мире попадают в ситуацию, абсолютно полярную той, в которой они были при жизни. Неправильность, двойственность, бесформенность – это проявление сущности иного мира. В бурятском эпосе женщина переодевается в «неправильную», «неподходящую» ей мужскую одежду, облачается в доспехи, вооружается, седлает боевого, часто определяемого как «священного», посланного высшими духами-онгонами или тэнгриями-небожителями коня мужчины. Подобное абсолютно немыслимо в обыденной реальности (как и у

² Травестия – сюжетобразующий прием переодевания персонажа в чужую одежду, сопровождающийся сменой его ролевой функции в произведении [Пуртова, 2002, с. 7].

многих народов, женщина у бурят считалась греховной, нечистой, и существовало множество табу, регламентирующих ее жизнь), и в этом смысле эпический травестизм может рассматриваться как попытка ввести в заблуждение враждебных (к живым) обитателей потустороннего мира, уподобиться им и стать «своим», таким же неправильным, и таким образом беспрепятственно достичь намеченной цели. Иначе же есть опасность, что герой, вернее, героиня, будет ими уничтожена и навсегда останется в ином мире.

Вернувшись домой вместе с девой-вокресительницей, оживив с ее помощью брата, сестра-богатырка

вновь становится собой. То есть когда героиня выполняет свою основную задачу, которую установил ей эпос, и возвращается из мира мертвых, травестизм теряет актуальность, становится ненужным, поскольку все становится на свои места, и жизнь приобретает размеренный, «правильный» порядок.

Итак, мотив смены облика в бурятском героическом эпосе реализуется в нескольких моделях, играет важную роль в сюжете, содержит реминисценции мифологических представлений, восходящих к архаичной обрядности.

Литература

- Басилов В. Н. Травестизм (“превращение пола”) в шаманстве // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции: тез. докл. междунар. науч. конф., 15–22 авг. 1992 г. Якутск, 1992. С. 4.
- Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, 1990. 449 с.
- Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Борко Т. И. Обрядовый травестизм: мифология андрогина или апология женского? // Мужское в традиционном и современном обществе: тез. докл. науч. конф., 6–18 апр. 2003 г. М., 2003. С. 16.
- Пуртова Н. В. Травестия в русской житийной литературе и эпосе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.
- Шаракшинова Н. О. Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 154 с.